Василик В.В.

Отражение римской правовой традиции в памятниках византийской гимнографии

[Stable URL: http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3146]

[Публикация работы:]
Василик В.В. 2007: Отражение римской правовой традиции в памятниках византийской гимнографии // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 19, 134-140.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHE FORSCHUNGS- UND STUDIENZENTRUM
FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

© В. В. Василик, 2007

В. В. ВАСИЛИК*

ОТРАЖЕНИЕ РИМСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ В ПАМЯТНИКАХ ВИЗАНТИЙСКОЙ ГИМНОГРАФИИ

В последней четверти XX в. на Западе появился так называемый нарративный, или повествовательный, подход к истории и историческим источникам с позиции, ярче всего выраженной Аверил Камерон: «История как текст»[1]. Однако, как мы считаем, справедлив и обратный тезис: «Текст как история». В значительной степени он применим к литургическим, и особенно к гимнографическим или церковно-поэтическим, текстам, которые в той или иной степени могут отражать исторические реалии своего времени. Неправомерно рассматривать церковно-поэтический текст как элемент литературной «игры в бисер», для своего времени он зачастую являлся не только знаком, но и боевым знаменем. Вот характерный пример: из-за прибавления императором Анастасием к гимну «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный помилуй нас» слов «распныйся за ны» (распявшийся за нас) в Константинополе вспыхнуло восстание в 511 г. и мятежники потребовали: «Другого царя Романии»[2]. Гимнографические памятники должны отражать историческую реальность хотя бы в силу религиозной максимы, выраженной в догмате IV Вселенского (Халкидонского) собора: «Исповедуем Одного и Того же Христа совершенного в Божестве, совершенного в человечестве, в двух природах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого»[3]. Догмат о воплощении не только реабилитировал земное и человеческое в своих правах и открывал перспективу священной истории, но и вводил историю человеческую в рамки священной, которая осмыслялась прежде всего как богочеловеческое бытие Церкви.

И в рамках отражения человеческой истории и жизни общества, как мы увидим ниже, безусловно, отражалась также и правовая мысль и ряд правовых коллизий. Однако существовала и другая причина: всемирная история мыслится в христианской традиции как некий суд. Сам термин «мученик» в греческом прототипе этого слова апеллирует к суду, ибо μαρτὺs означает «свидетель» и подразумевает кровавое свидетельство на суде между спасающим Богом и погибающей в своей злобе и гордыне тварью. Это судебное прение завершается конечным Страшным Судом, весьма знаменательно, что временами в литургических текстах он осмысляется в рамках римских правовых реалий: вспомним хотя бы завершение просительной ектении «и добраго ответа на страшнем судищи Христове просим» (καὶ καλὴν ἀπολογίαν τὴν ἐπὶ τοῦ φοβεροῦ βήματος τοῦ Χριστοῦ αιτησώμεθα)[4]. В буквальном переводе на русский язык это прошение звучит так: «и прекрасной защитительной речи (апологии)[5] у страшного судебного возвышения Христа просим». Слово

---

* Василик Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Статья сделана на основе доклада, прочитанного на IV международной конференции «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права», Иваново (Суздаль) – Москва, 25–30 июня 2006 г.

[1] *Cameron A.* History as a text. Oxford, 1991.

[2] См.: *Joannis Malalae.* Chronographia / Ed. L. Dindorf. Bonn, 1831. P. 407.

[3] Цит. по: *Успенский Ф. И.* История Византийской Империи. М., 1995. Т. 1. С. 179.

[4] Ектения на литургии после перенесения Святых Даров «Исполним молитву нашу...». Греческий текст – см.: Ἱερατικὸν. Ἀθῆναι, 1994.

[5] Семантику слова ἀπολογία и ряд наиболее важных контекстов см. в: *Liddel-Scott, Jones.* Greek-English Lexicon. Oxford, 1995. P. 207–208 (далее – LSJ).

μα соответствует слову praesidium – возвышению, на котором восседал римский су-я[6]. Если мы всмотримся в литургические тексты на более глубоком уровне, то увидим аимную соотносимость богословских и юридических терминов: δίκαιος (праведный) поставим не только с др. евр. «цадик», но и с латинским justus.

Другой пример. Возьмем знаменитое утверждение Ульпиана: «Принцепс свободен от блюдения закона»[7]. В определенном смысле эта максима сопоставима с Богородичном песни Великого Канона: «Бог где хочет, побеждается естества чин (или порядок приды), ибо творит, что хочет». (Θεὸς ὅπου θέλει, νικᾶται φύσεως τάξις, ποιεῖ ρ ὅσα βούλεται)[8]. Естественно, речь идет не о прямой зависимости св. Андрея Крит-ого от Ульпиана, но об общности представлений о власти – власти Божественной и о солютной власти императора, о возможности верховного Суверена отменять основные коны с целью «человеколюбия» и общего блага. В данном случае можно с осторожно-ью говорить об общем поле представлений, связанных с общностью культуры.

Соответственно, можно предположить, что в византийской литургической традиции обще и в церковно-поэтических текстах в частности темы и образы, связанные с рим-ой правовой традицией, обладают определенной актуальностью.

Это касается прежде всего сюжета, непосредственно относящегося к римскому пра-, – осуждения и распятия Христа. В раннехристианской гомилетической и литургиче-ой традиции оно осмыслялось и в терминах богоубийства, и как «оскорбление величе-ва» (injuria majestatis). В гомилии Мелитона Сардского, цитирующей раннехристиан-ие гимнографичесике тексты, о распятии Христа говорится:

Ὁ κρεμάσας τὴν γῆν κρέμαται.	Повесивший землю повешен.
Ὁ πήξας τοὺς οὐρανοὺς πέπεκται.	Утвердивший небеса пригвожден.
Ὁ στηρξας τὰ πάντα ἐπὶ ξύλου ἐστήρικται.	Утвердивший все на древе утвержден.
Ὁ δεσπότης παρύβρισται.	Оскорблен был Владыка.
Ὁ θεὸς πεφόνευται.	Бог был убит.
Ὁ βασιλεὺς τοῦ Ἰσραὴλ ἀνήρεται ὑπὸ δεξιᾶς Ἰσραηλτιδος.	Царь Израиля умервщлен Десницей Израильской.

Эта традиция продолжается в XV антифоне Великой Пятницы, написанном, вероят-, не позднее конца IV – начала V в.

Σήμερον κρεμᾶται ἐπὶ ξύλου	Днесь висит на древе
ὁ ἐν ὕδασι τὴν ῆγην κρεμάσας	Землю на водах повесивший
Στέφανον ἐξ ἀκανθων περιτίθεται	Венцом от терния облагается
ὁ τῶν ἀγγέλων Βασιλεὺς	Ангелов Царь
Ψευδῆ πορφύραν περιβάλλεται	В ложную багряницу облекается
ὁ περιβάλλων τὸν οὐρανὸν ἐν νεφελαῖς	одевающий небо облаками[9].

В этом же антифоне присутствует реалия, связанная с процедурой эманципации:

Ράπισμα κατεδέξατο,	Заушение приял
ὁ ἐν Ἰορδάνῃ ἐλευθερώσας τὸν Ἀδὰμ	во Иордане освободивший Адама.

В данном тексте имеется в виду известный римский обычай эманципации: во время пуска раба на волю ему давалась последняя пощечина, после которой он считался сво-дным. В качестве примера приведем фрагмент из 81 новеллы Юстиниана: Ведь деяние анципации древле происходило при так называемом legis actionis, и при оскорблениях

м.: LSJ. P. 314.
. 1. 3. 31: Princeps legibus solutus est.
ριῴδιον κατανυκτικὸν. Ἀθῆναι, 1993. Σ. 302.
ριῴδιον.... Σ. 448–449.

и пощечинах их освобождали от их уз[10]. Таким образом, Христос, будучи Царем, при нимает рабскую «последнюю пощечину» для того, чтобы освободить раба.

Однако, возможно, у этого текста есть и другое прочтение: в христианскую эпох увеличивается количество легальных возможностей отпуска рабов. Одной из возможно стей являлось духовное усыновление: господин мог отпустить раба, став его восприем ником в крещении. Как законодательная норма писаного права этот способ отпуска ра бов впервые появляется в Эклоге[11], однако как обычай он существовал ранее и опирался на римскую правовую традицию усыновления.

Ряд византийских гимнографов показывают в своих произведениях тесную связь с римской правовой мыслью. В особенности это справедливо для св. Романа Сладкопевц (или Мелода), который начинал как диакон в Берите, где находилась знаменитая школ правоведения. То, что на св. Романа повлияло пребывание в центре правоведения, – вн сомнения. В его творениях зачастую мы наблюдаем четкую правовую мысль, не чуждую навыков адвоката и даже следователя.

Вот два характерных эпизода из кондака «На Иосифа», первый – забота об одежд того, кто продается в рабство.

Исмаилитам отдан нагой без одеянья.
Коль продаешь, одеянье отдай зовущему[12] (5. 7).

Второй – несостоятельность обвинения Иосифа в попытке изнасилования (тот же кондак):

Коль разум имел он обману не поддался бы.
Судьей став безумным Иосифа.
Свидетель этому – хитон. Где находился,
исследуй и смотри, права ли жена,
Коль бежала она, как одежду взяла его?[13]

В поле зрения Романа Мелода зачастую попадали правовые конфликты. В кондаке «На жизнь монашескую» отражается столкновение между богатыми и могущественными землевладельцами (κτήτορες), с одной стороны, и бедными крестьянами – с другой:

'Υψαυχεῖ κατὰ πένητος πλούσιος,
κατεσθων αὐτοῦ πᾶσαν ὕπαρξιν
κοπιᾷ γεωργὸς καὶ ὁ κτήτωρ τρυγᾷ
ἄλλου κάμνοντος, ἄλλος εὐφρανεται
θρῶν συνάγει πενόμενος ἵνα μόχθῳ
κομσηται ἃ σκορπζει
αλλ' ἡμῶν πᾶς ὁ κόπος πεφύλακται

Над убогим богатый ругается,
Пожирает его достояние:
Сев крестьянину, жатва владетелю,
Труд сему и роскошество оному,
Потом многим бедняк обливается,
чтобы все отнялось и развеялось.

[10] εἰ γὰρ ἡ τῆς εμανχιπατιονος πρᾶξις πάλαι μὲν υπὸ τὰς καλουμένας λεγισ αχτιονας γινομένη μεθ ὕβρεων καὶ ραπισμάτων ἀπηλαττεν αὐτοὺς τῶν τοιούτων δεσμῶν. См.: *Iust.* Nov. 81.

[11] См.: Эклога. 8. 4: И опять же, раб становится свободным, если господин или госпожа, или их дети с ведома и разрешения родителей принимали раба во время святого и спасительного крещения.

[12] Кондак 5, строфа 7:
ἄνευ τοῦ ἱματου δοθεὶς 'Ισμαηλταις
εἰ πωλεῖς, δὸς καὶ τὸ ἱμάτιον τῷ κράζοντι
См.: *Romanos le Mélode.* Hymnes / Ed. J. Grosdidier de Matons // Sources chrétiennes. 99. P., 1964. T. 1. P. 215.

[13] Кондак 5, строфа 14:
μάρτυς ὑπάρχει ὁ χιτών·ποῦ οὖν ὑπάρχει
ἐρεύνησον, καὶ βλέπε εἰ πιστή εστι
εἰ ἔφυγεν αὐτόν, πῶς κατέχει τούτου στολήν;
См.: *Romanos le Mélode.* Hymnes. P. 221.

οὐ γὰρ ἔχετε μέριμναν ἄλλην εἰ μὴ ἀλληλούια.	Плод всех ваших трудов сохраняется. Нет заботы у вас, только петь Аллилуия[14].

Картина, представленная св. Романом, весьма жизненна и реалистична. Правление Юстиниана вообще и тридцатые годы шестого века в частности были весьма неблагоприятной эпохой для мелкого крестьянства, жестоко страдавшего от произвола крупных землевладельцев (κτῆτορες). Правители провинций позволяли себе повсюду самые ужасные злоупотребления и вымогательства. В Ликаонии, Ликии, Фригии, Каппадокии, Понте царил разбой: крупные собственники применяли насилие в отношении мелких землевладельцев и округляли за их счет свои владения: от захватов не были свободны и церковные имущества. Все эти бедствия имели своим последствием бегство в столицу пострадавших с жалобами на претерпеваемые беды[15].

Формы угнетения мелкого крестьянства носили различный характер; помимо открытых земельных захватов крестьянство жестоко страдало от ростовщичества: за помощь хлебом во время неурожая у крестьян зачастую отбиралась земля. Вот свидетельство 32 новеллы Юстиниана:

«Мы осознаем, что необходимо общим законом исцелить деяние ужасное, превышающее всякое нечестие и жадное грабительство.

Мы узнали, что некие из той епархии, которой ты управляешь, осмелились во время недостатка хлеба давать кому-то в рост хлеб по самой малой мере и забирать их всю землю, так что одни из крестьян бежали, а другие погибали от голода, в результате настала ужасная погибель, ничем не меньшая варварского нашествия»[16]. В 32 новелле Юстиниан принимает энергичные меры против неумеренного ростовщичества, устанавливая предельные размеры роста, не более одного кератия на номисму в год[17].

Кроме того, в кондаке на монашескую жизнь, возможно, отражен судебный процесс против известного коррупционера Иоанна Каппадокийца.

Οὐδὲ ἕνα βροτῶν εὗρον ἄλυπον ὁ γὰρ κόσμος ἑκάστοτε τρέπεται ὃν γὰρ εἶδον τῇ χθὲς ἐπαίρμενον νῦν ὁρῶ ἀπὸ ὕψους ἐκπίπτοντα, πτωχὸν αἰφνίδιον τὸν πλούσιον, ἐνδεῆ καὶ πεινῶντα τὸν εὐποροῦντα ἀλλ' ἡμεῖς τούτων πάντων ἐστὲ παρεκτός· ἐδουλώθητε γὰρ ψυχικῶς τῷ ψαλμῷ· Ἀλληλούια.	Не видал я меж смертных бесскорбного, ибо мира превратно кружение: Кто вчера возносился гордынею, Того зрю с высоты низвергаемым; богатевший с сумою скитается, роскошь знавший нуждою терзается[18]; вы одни остаетесь свободными, кто свой дух покорил песнопению. Аллилуиа.

В этом описании падшего сановника и разоренного богача современники вполне могли узнать Иоанна Каппадокийского. Около 541 г. он имел неосторожность попасть в сети интриги, которую затеяла императрица Феодора, раздраженная резкими высказы-

[14] Греческий текст см.: *Romanos le Mélode*. Hymnes / Ed. J. Grosdidier de Matons // Sources chrétiennes. 99. P., 1981. T. 5. P. 245. Перевод см.: *Аверинцев С. С.* От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1987. С. 259. Текст отредактирован В. В. Василиком.

[15] *Кулаковский Ю. А.* История Византийской империи. СПб., 1997. Т. 2. С. 210. Показательно, что даже церковные имущества не были свободны от грабежа. Императору Юстиниану в 527 г. приходилось выпускать специальный эдикт в защиту церкви Св. Иоанна в Писидии.

[16] *Iust.* Nov. 32: Πρᾶγμα δεινὸν καὶ πάσης ἐπέκεινα καὶ ασεβεας καὶ πλεονεξας γινόμενον συνεδομεν νόμῳ θεραπεῦσαι κοινῷ... ἔγνωμεν γὰρ ὥς τινες ἐπὶ τῆς ἐπαρχας ἧς ἄρχεις ετόλμησαν ἐπιλαβόμενοι τοῦ καιροῦ τῆς ἀφορας τοῦ στου δάνεισμα πρᾶξαι πρός τινας ἐπ' ἐλαχστῳ μστρῳ καρπῶν καὶ τὴν αὐτῶν λαβεῖν γῆν ἅπασαν ἀντ' αὐτοῦ, ὥστε τοὺς μὲν τῶν γεωργῶν φεύγειν, τοὺς δέ διαφθαρῆναι λιμῷ, δεινήν τε γεγενῆσθαι φθορὰν οὐδὲν τῆς βαρβαρικῆς ἐπιδρομῆς ἐλάττονα.

[17] *Iust.* Nov. 32.

[18] Буквально: «Вижу богатого бедным, нуждающимся и голодающим, идущим в путь».

ваниями Иоанна в свой адрес. Иоанн был обвинен в участии в антиправительственном заговоре, отрешен от власти и посвящен в пресвитеры. Через два года после этого был убит епископ Кизический Евсевий, с которым враждовал Иоанн. По ложному доносу Иоанн попал под следствие об убийстве епископа и был брошен в тюрьму[19]. Далее, по свидетельству Прокопия, «его выставили голым, как разбойника или вора, и, нанося множество ударов по спине, принуждали рассказывать о своей прошлой жизни»[20]. Несмотря на отсутствие полноценных доказательств виновности Иоанна, его присудили к ссылке и конфискации имущества. «Отобрав у него все деньги, нагим посадили его на корабль, бросив на него один только плащ, и то очень грубый, ценою несколько оболов. Везде, где приставал корабль, сопровождавшие заставляли его просить у встречных хлеба и оболов. Так, прося милостыню в продолжение всего переезда, он был доставлен в город Антиной»[21]. Прокопий Кесарийский усматривает в судьбе Иоанна перст Божий: «Суд Божий воздал ему кару за злодеяния всему миру». У Романа нет столь четкой и однозначной оценки участи богача, однако она имплицитно присутствует в изображении падшего гордеца и исходит из новозаветной максимы: «Низложил сильных с престолов и вознес смиренных» (Лук. 1. 52).

Римское право и римская правовая практика обогащает образный ряд византийской гимнографической традиции. Рассмотрим следующий пример: в кондаке 34 Романа Мелода (на отречение Петра) Христос говорит апостолу Петру:

ταύτῃ γὰρ κάλαμον λαβών, ἄρχομαι γράφειν	Взяв рукою моею трость, я писать начинаю
συγχώρησιν πᾶσι τοῖς ἐκ τοῦ Ἀδάμ	Всем от Адама оставление.
ἡ σάρξ μου, ἣν ὁρᾷς, ὥσπερ χάρτης γνετα μοι,	Плоть моя, что ты видишь, будет же мне как пергамент,
καὶ τὸ αἷμά μου μέλαν ὅθεν βάπτω καὶ γράφω,	И чернилами – кровь, в них макну, напишу,
δωρεὰν νέμων ἀδιάδοχον τοῖς κράζουσι	Дарование ненаследуемое зовущим
Σπεῦσον, σῶσον, ἅγιε, τὴν ποίμνην σου.	Поспеши, спаси святое стадо твое[22].

Таким образом, дело искупления осмысляется как написание дарственной (donatio), дар которой к тому же не передается по наследству (ἀδιάδοχος). А драматические события смерти сына вдовы из Сарепты после осмысляются в рамках правового процесса и вчинения иска о преступлении (delictum).

Μάλα μὲν ἐκρατεῖτο ὑπὸ χήρας ὁ κρατήσας νεφῶν τε καὶ τῶν ὄμβρων
καὶ συνεχετο ὑπὸ μας ὁ τοὺς ἅπαντας συνέχων διὰ ἡματος
γυνὴ δὲ παναθλα,πάσης ἄμοιρος δυνάμεως,
τὸν λόγῳ καὶ δυνάμει οὐρανοὺς κρατεῖν νομζοντα κρατεῖ ὡς κατάδικον,
καὶ συμπλακεῖσα μανικῶς ὡς φονέα εἰς κριτήριον
καθεῖλκε κραυγάζουσα «Δός μοι γόνον ὃν ἔκτεινας
οὐ χρῄζω τοῦ ἀλεύρου σουμὴ θρέψῃ με νομζων <γενέσθαι φιλάνθρωπος.>
Ἄρτους ἐν τῇ γαστρ μου κατασπερας τὸν καρπὸν τῆς γαστρός μου καὶ τὸν κλάδον
ἐξερρζωσας,καὶ πωλεῖς μοι <>τὰ δῶρα τὰ βρώσιμα
ψυχὴν ἀντὶ ἀλεύρου καὶ ἐλαου ἐμεθόδευσας
ἐγὼ δὲ δυσωπῶ σε ἀνατρέψαι τὸ συνάλλαγμα καὶ δοῦναι ὃ ἔλαβες.

[19] *Кулаковский Ю. А.* История Византии. СПб., 2004. Т. 2. С. 226.
[20] Procop. B. Pers. II. 30. 49–53.
[21] Ibid.
[22] Кондак 34, строфа 7. См.: *Romanos le Mélode*. Hymnes / Ed. J. Grosdidier de Matons // Sources chrétiennes. 128. P., 1967. T. 4. P. 120.

И тогда был удержан вдовою удержавший дожди с облаками
И был схвачен одною за одеянье, кто держал всех собою.
Непричастная вовсе силе всенемощная женщина
Силою и словом небеса держать хотящего держит, как обвиняемого.
И вцепившись с безумной силой, как убийцу на судилище
Повлекла, вопиющая: «Дай мне сына, тобой убитого.
Не нужно твоей муки мне, не корми меня, думая, что стал человеколюбцем ты.
Хлебы во чреве моем ты засеял, но плод и ветвь моего чрева
Ты искоренил и продаешь мне дары съедобные,
И за муку ты душу за елей хитро продал?
Тебя я умоляю расторгнуть эту сделку и вернуть, что ты взял[23].

В этой весьма своеобразной трактовке библейских событий можно видеть явное влияние римского процессуального права. Если в Библии смерть сына осмысляется как Божие наказание, а пророк всего лишь его вестник и исполнитель («пришел вспомянуть мои грехи и уморить сына моего»), то здесь вдова считает пророка убийцей своего сына, вчиняет против него иск по обвинению в убийстве и сама приводит его на суд сообразно римским правовым понятиям.

В процессе судебного разбирательства ставится вопрос о мере пользы и мере ущерба, принесенных пророком. Та польза, которую он принес, несоразмерна принесенному ущербу (ты устроил (забрать) душу за муку и за елей). Более того, поведение пророка осмысляется и как недобросовестная купля-продажа (ты продаешь (за душу) съестные дары (в том числе здесь есть и следующая мысль: он продает то, что надлежит поднести как дар), и как недобросовестное исполнение арендатором-земледельцем или наемным рабочим условий договора: Ἄρτους ἐν τῇ γαστρ μου κατασπερας τὸν καρπὸν τῆς γαστρός μου καὶ τὸν κλάδον ἐξερρζωσας (ты засеял хлебы во чреве моем, но плод чрева моего и ветвь искоренил). Эти отношения определяются как συνάλλαγμα или contractum – сделка, и сделка нечестная. Требование вдовы можно было бы осмыслить как восстановление первоначального положения (de in integrum restitutionibus)[24].

Из этих примеров мы видим, насколько римское право повлияло на византийскую гимнографию как на идейном, так и на художественном уровне. Безусловно, исследование этого влияния в полном объеме потребует значительных усилий, однако этот труд окупится с лихвой и окажется весьма полезным как для истории права, так для истории ментальности.

V. V. VASILIK

INFLUENZA DEL DIRITTO ROMANO NELL'INNOGRAFIA BIZANTINA

(RIASSUNTO)

Nella tradizione liturgica bizantina, in generale, e nei testi religiosi poetici, in particolare, le immagini legate alla tradizione giuridica romana sono in un certo modo attuali. Questo riguarda prima di tutto i monumenti innografici, dedicati alla condanna e crocifissione di Gesù Cristo, avvenimento direttamente legato alla tradizione giuridica romana. Nella tradizione omiletica e liturgica del primo cristianesimo questo avvenimento si descriveva nei termini sia

[23] Кондак 7, строфа 20. См.: *Romanos le Mélode*. Hymnes. T. 1. P. 330.
[24] D. 4. 1.

dell'assassinio del Dio, sia dell'«offesa della maestà» (*injuria majestatis*) che vediamo, in particolare, nelle antifone del Venerdì Santo, soprattutto in quella quindicesima. In essa è presente la procedura di emancipazione che corrispondeva al costume di liberare lo schiavo battezzato nel caso in cui il padrone diventava suo padrino.

Tanti gli innografi bizantini dimostrano nelle loro opere uno stretto legame con il pensiero giuridico romano. Ciò si riferisce, in particolare, alle opere di Santo Romano Melode, dove vediamo spesso un chiaro pensiero giuridico espresso con l'esperienza tipica dell'avvocato e dell'investigatore. Nel campo di descrizione di Romano Melode capitavano spesso conflitti di carattere giuridico. Nel canto «Sulla vita monacale» si riflette il conflitto tra proprietari terrieri ricchi e potenti (*ktaetores*), da una parte, e i poveri contadini dall'altra. Può darsi che nello stesso canto si accennasse al processo contro il noto corruttore Giovanni di Cappadocia.

Il diritto romano e la prassi giudiziaria romana arricchisce il quadro pittorico della tradizione innografica bizantina. Così nel canto «Sul rinnegamento di Pietro» l'espiazione della colpa viene intesa come lo scrivere con il sangue di Cristo l'atto di donazione (*donatio*), che nemmeno si cede in eredità. Le tragiche circostanze della morte del figlio della vedova di Sarepta si espongono nei limiti di un processo giudiziario con la causa intentata contro il delitto (*delictum*).